Евгения Чепенко
Инопланетянка его мечты
Фантастика • Любовный роман • Приключения

Евгения Чепенко
Инопланетянка его мечты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65280092
Инопланетянка его мечты: Роман / Рис. на переплете М.Поповского:
Альфа-книга; Москва; 2021
ISBN 978-5-9922-3265-3

Аннотация

Первый же рейд Забавы обернулся побегом конвоируемого психопата, гибелью экипажа и аварийным приземлением на неизвестной планете в далекой галактике. А еще она попала в руки к к местным обитателям. Точнее, к одному из них. И нет, это не история о хозяевах, рабынях, гаремах и проч. Это про то, как один воин силы встретил инопланетянку своей мечты и пережил массу приключений с ней. Ну или неприятностей – как посмотреть.

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 24
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Евгения Чепенко
Инопланетянка его мечты

Часть первая

Глава 1

Машину повело от соприкосновения с поверхностью скалы. Пилот с трудом стабилизировал двигатели. В тишине звуконепроницаемой кабины пронзительный писк Мака резал уши. Заряд батарей иссяк, энергия была на исходе. В медблоке лежали мертвые капитан и бортинженер. Я пыталась их реанимировать, на что тоже ушло ценное для гибнущего корабля питание. Пилот, благодаря которому я все еще была жива, истекал кровью. За дверью рубки лежали еще два трупа: Алексей и Ястреб. Оба из военной полиции, профессиональные опытные «охотники за головами». По крайней мере, так мне их представил командир. Внушительный послужной список и тот самый пресловутый «опыт» позволили обоим относиться к молодому криминальному эмпату, то есть ко мне, пренебрежительно. И по тем же причинам оба были теперь мертвы.

Даже те неимоверные усилия, что были предприняты ими

для поимки Кобольда, не служили доказательством победы. Я полгода до рейда убила на составление подробного психологического портрета подозреваемого, спала в полицейских и военных архивах, изучала его медицинские карты, счета, пристрастия, привычки, лично общалась с его женщинами и сослуживцами, одноклассниками, воспитателями. Но когда сразу после поимки, которая, к слову, состоялась благодаря моим выстроенным моделям мышления Кобольда, отчиталась Ястребу по новому профилю, получила в ответ лишь презрение и откровенные оскорбления. Матушка Матрена всегда учила смирению и пониманию. Понимать я научилась. Я могла понять и прочувствовать причины поступков самых чудовищных убийц, но не злиться так и не научилась. Я злилась на Ястреба, злилась на Алексея, поддержавшего напарника. Злилась на капитана, нарушившего инструкцию и не изолировавшего рубку, когда заключенный на наших глазах убил обоих конвоиров. Изолировать пришлось мне, спешно. Кобольд успел ранить пилота. Все эти действия заняли несколько минут. Чтобы убить, моему подопечному психу оружие не требовалось. Он грезил спецназом внешней разведки, и, хотя туда не попал, а система подготовки группы особого назначения ВР засекречена, тренировки свои Кобольд разработал, твердо зная, какие навыки хочет приобрести. Организованный, с высоким интеллектом, сниженным эмоциональным коэффициентом, образованный – что может быть хуже.

Я родилась с талантом аналитика-эмпата, у меня были лучшие рекомендации, мне довелось участвовать в трех международных независимых исследовательских проектах, из всех поступивших предложений я отдала предпочтение Центральному управлению военной полиции, и вот, пожалуйста! Из-за чужой ошибки погибаю на краю Вселенной, в галактике без названия, на неизвестной планете, которую Мак выбрал для экстренной посадки.

Машина стрелой вонзилась в тихую гладь лесного озера. Рисунок дна появлялся на экране чудовищно медленно. Данные со сканера поступали с задержкой. Посадить военный истребитель в такой ситуации без повреждений – задача непосильная. Но пилот с ней справился.

Справился ценой собственной жизни. Спасти его, как и остальных членов команды, я не смогла.

– Мак, – позвала я, отключив медблок от питания и устало потерев лоб тыльной стороной ладони. Это был третий человек, которого за последние сутки пыталась реанимировать.

– Да?

– Погибли пять членов экипажа. Выживший: Забава Карачевская. Уровень взаимодействия первый. Работаем?

– Работаем.

– Сколько тебе осталось? В минутах. Округляй в меньшую сторону.

– Тридцать две.

– Автоматика? Системы? В каком состоянии?

– В рабочем состоянии. Повреждения незначительны. Зарядим батареи и сможем улететь.

Я грустно улыбнулась, размышляя над логикой бортинженера. Это ведь он устанавливал критерии разных уровней взаимодействия Мака с людьми. Мне по специфике профессии полагался первый уровень взаимодействия, самый простой. И у бортинженера, видимо, было свое, довольно оскорбительное представление о людях, которым этот уровень однажды понадобится.

– Прогнозы по заряду? В днях. Округляй в сторону большего числа.

– Шестьдесят. Выпускаю датчики на поверхность? Это такие…

– Мак, я знаю, что это. Выполняй. Дай на консоль информацию по местоположению корабля и дрона, данные по галактике, звездной системе и планете. Дальше переходи в спящий режим.

– Принято.

Итак, у меня есть условные шестьдесят ясных дней, чтобы накопить заряд. Есть пять трупов, которые придется вывести на поверхность, ведь заморозить я их не могу. Есть удивительная голубая планета, на первый взгляд чертовски похожая на нашу Землю и явно населенная различными формами жизни. И самое главное, есть дрон Мака, приземлившийся на этой земле. Расклад любопытный, учитывая, как сложно во Вселенной найти планеты, подобные Земле или Гее.

Заключая контракт с военной полицией, я рассчитывала на серьезную, сложную, полевую работу. Рассчитывала на быстрый старт, который могли обеспечить только военные. Что ж… После обязательных трех лет стажировки, когда каждое твое слово проверяет опытный сотрудник, я получила свои невероятные приключения. В первый же рейд потеряла всю команду и осталась одна неизвестно где, неизвестно насколько, вполне возможно в компании психопата. Зато планету открыли. Усилием воли подавила подкатившую к горлу тошноту. Слезы удерживать не стала. Организму необходимо было справиться со стрессом.

Хлюпая и заливая солеными ручьями рубашку, я погрузила капитана в капсулу медицинских носилок, надела скафандр и вынырнула на поверхность озера. Перед сном Мак проанализировал окружающую среду так подробно, как сумел. Плавать и дышать я могла без дополнительных средств защиты. Даже пить воду могла после фильтрации. Скафандр мне требовался для защиты от угроз иного рода. Под водой здесь водилась живность. Если верить сканеру, размеры живности колебались от микроскопической до метровой. К сожалению, большего система мне предоставить не могла.

Тщательно исследовав берег, я отключила экипировку. Энергию нужно было беречь. В автономном режиме, без подзарядки тоже долго не протянет.

Никогда раньше никого не хоронила лично, своими собственными руками. Без экзоскелета копать могилы было

задачей сложной. В качестве инструментов приспособила универсальную емкость для медицинских отходов и мачете Ястреба. Последнему его раритетное оружие все равно уже не понадобится. Могилы копала неглубокие. Разветвленная мощная корневая система деревьев и кустарников не позволяла мне сделать больше. Закапывала без одежды. Чем меньше принесу на эту планету инородного, тем лучше. Потратила на работу больше сорока часов. В перерывах заносила в журнал данные и личные наблюдения.

Если бы не знала наверняка, что на чужой планете, сама не догадалась бы. Звезда чертовски напоминала Солнце. Закат в первый день наступил через шесть часов, во второй через десять. Ночь я провела на корабле и время рассвета не зафиксировала. Дневная температура в первый день составляла двадцать пять и две десятых градуса по Цельсию, во второй – двадцать пять и девять. Модуль, установленный мной на поверхности, показал двадцать четыре и шесть ночью. Влажность девяносто три процента.

Не отличала эту планету от Земли и живность. Насекомые, рыбы, птицы, мелкие грызуны. Мучило ощущение, будто я в национальном экологическом заповеднике. С хищником столкнулась, на лисицу был очень похож.

На третий день небо затянуло тучами, пошел дождь, что не могло меня не расстроить. В такую погоду энергии от пластин накопителей шло на порядок меньше, жить на поверхности мне было просто опасно, от системы жизнеобеспече-

ния я отказаться не могла, а это означало, что зарядка будет идти медленнее, чем мне того хотелось бы. Я и без того энергию экономила, старалась весь световой день проводить на берегу.

На четвертые сутки села экипировка скафандра. Из применимого оружия у меня остались транквилизаторы Алексея и мачете. Все-таки осмысленный опыт у «охотников за головами» имелся. Исключительно на технику они явно полагаться не привыкли. Мне не стоило всецело сосредоточиваться лишь на Кобольде. Не прочувствовать людей, с которыми предстояло работать, – грубейшая ошибка. Если бы я эту ошибку не допустила, возможно, события последних дней разворачивались бы иначе.

На пятые сутки я встретила людей.

Осмелев в своих дилетантских исследованиях, я удалилась от озера вглубь леса почти на километр и вскоре пожалела об этом. Сначала из мелодичного шороха леса исчезли звуки его обитателей, затем раздался характерный хруст, заставивший меня замереть и насторожиться, и лишь потом навстречу мне выскочила группа из пяти мужчин. Грязные, небритые, со спутанными волосами, в рваной одежде, со свежими ранениями. Двое упали сразу, сбитые с ног крупными лохматыми животными, сильно напоминающими собак. Трое пронеслись мимо меня. Их преследовали еще пять псов. Один из них отделился от стаи, бросился на меня и отчаянно взвизгнул, наткнувшись на острое лезвие. Все про-

изошло настолько быстро, что исчезнуть я не успела. Зато успела потратить все четыре заряда транквилизатора на тех двух зверюг, что уже поймали и удерживали свои жертвы, и на двух, что еще не успели.

Не заметила, как оказалась под прицелами трех раритетных ружей. Похожие использовали на Земле в развитых странах в начале двадцатого века. Три ружья, три хорошо одетых всадника и одна я с окровавленным мачете. Убитой и еще затихшим четырем псинам господа не обрадовались, убийце тоже.

За криками на незнакомом языке последовали выстрелы в землю возле моих ног. Затем подоспели пешие вооруженные люди. Меня окружили, мачете вырвали из рук. Сопротивляться я не пыталась. Ткань скафандра могла смягчать удары, но пуленепробиваемой не была.

Я задрала голову и осмотрела всадников. В этом социуме они явно представляли класс хозяев. Об этом можно было судить по яркой, чистой одежде, осанке, взгляду, в противовес тем, на кого они столь безжалостно охотились. Лошади тоже повышали статус. К поразительной схожести животного мира этой планеты с животным миром Земли я уже привыкла. Теперь вот люди. И охотники, и жертвы относились к одной расе. Это без труда определялось по ярко выраженным характерным чертам лица и темным волосам.

В первую очередь меня заинтересовал левый всадник. Спокойный, хладнокровный, лет тридцати, опрятный, стат-

ный, жилистый. Взгляд его, направленный на меня, был почти равнодушным, холодным. Что не могло не удивить, поскольку женщина, с головы до пят одетая в белый облегающий комбинезон с единственной прорезью для лица, должна была вызвать любопытство. Но его явно не заботила ни я, ни охота, ни обезвреженные мной твари. Человек в центре того же возраста обладал внушительной комплекцией и, в отличие от своего спутника, очень занят был моим телом. В остальном интереса не представлял. Крайнего правого я определила как хозяина собак. Он смотрел на меня с ненавистью. Он же единственный спешился и подошел. Точнее, подбежал. Что ударит, я поняла еще до того, как с лошади спрыгнул, так что попытка ему не засчиталась. Нападать я не собиралась, но и позволять себя бить тоже была не намерена. Своими необдуманными действиями разозлила собаковода сильнее и, как следствие, спровоцировала на еще большую агрессию. Последовала короткая команда, и на меня набросились четверо пеших.

Я контрактник, гражданское лицо на военной службе. Все навыки самообороны, которыми я обладала, – школьный курс приемов самозащиты. Противопоставить нападавшим мне было нечего. Что я могла в сложившейся ситуации? Бежать. Несмотря на огнестрельное оружие в их руках, несмотря на ничтожный шанс выжить. Возможно, успею нырнуть, скрыться на корабле, разбудить Мака и включить камуфляж.

Возможно…

От сильного толчка в плечо я споткнулась и упала на землю. Встать не успела. Меня окружили. Что поймала-таки пулю, поняла по пронизывающей обжигающей боли. Нанороботы в организме получили свой шанс, и с этого момента происходящее стало вязкой, тяжелой галлюцинацией. Я с трудом фокусировала взгляд, тело казалось неимоверно тяжелым, клонило в сон.

Надо мной раздавались напряженные, взволнованные голоса. Затем кто-то кричал, меня ударили несколько раз. Удары я почувствовала будто издалека. Потом все стихло и стало слышно холодный, властный мужской голос. Сквозь пелену перед глазами я различила склонившееся надо мной лицо того самого равнодушного всадника. Он поднял меня на руки и понес через лес.

Последнее, что запомнила: яркий белый свет, проникающий сквозь ветви деревьев.

Глава 2

Пронзительный женский голос что-то вещал совсем близко от меня. Я поморщилась, подняла руку и убрала с головы неприятную мокрую тряпку, чем спровоцировала наступление благословенной тишины. Тело сотрясала дрожь, в мышцах ощущалась чудовищная слабость. Я открыла глаза.

Неба над головой не было. Был крашенный в белый цвет деревянный потолок с тяжелыми темными балками. Я немного повернула голову в сторону, откуда недавно слышала визгливую женщину. Женщина никуда не делась. Худая, с черными, выгоревшими и поседевшими на висках волосами, заплетенными в простую косу, в нелепом, неудобном длинном балахоне с выцветшим цветочным рисунком, она сидела рядом со мной, поджав под себя ноги. На загорелом, тронутом морщинами лице читался откровенный испуг и любопытство. Она сжала кисть правой руки в кулак, демонстративно трижды ударила себя в грудь, сложив слова своего языка при этом в некое подобие стихотворной формы. Затем левую руку открытой ладонью приложила к животу и, глядя в небо, снова что-то пропела. Ну а потом огласила комнату завывающим воплем, заставившим меня вздрогнуть.

Осторожно, приложив немалые усилия, я села и огляделась.

Помещение, в которое меня занесла судьба, было про-

сторным и, осмелюсь предположить, богато убранным. На стенах гобелены с растительным орнаментом, резная деревянная мебель, картины все с той же растительной тематикой. Пол тоже был деревянный, со сложным наборным рисунком. Я сидела на широкой, низкой мягкой кровати, стоявшей в центре комнаты.

Дверь с тихим шуршанием отъехала в сторону, и в комнату вошла еще одна женщина. Невысокая, лет двадцати пяти, загорелая, с черной блестящей косой, перекинутой через плечо. Балахон на ней был новее и ярче. Звучание ее голоса мне понравилось больше. Она обратилась к старшей даме с поклоном. Та в свою очередь взволнованно зажестикулировала, то и дело показывая на меня.

Следующий вопрос вошедшая задала мне и, как я отметила, уже без поклона. Я никак не отреагировала на ее слова. Она подошла ближе, опустилась рядом с кроватью на колени и, глядя мне в глаза, вновь повторила вопрос. Я не отреагировала. Слышать мой язык без особой необходимости местным обитателям не стоило.

Пожилая дама вновь взвизгнула и, указав на меня пальцем, произнесла трижды одно слово. Слово было интересным, я услышала его как «могуэй».

Юная особа прикоснулась к моему плечу, привлекая внимание. Я обернулась. Она положила руку себе на живот и по слогам несколько раз произнесла:

– Булан.

Затем приложила руку к моему животу и вопросительно на меня уставилась. Что она имя мое хочет узнать, я поняла, но с ответом замешкалась. Вдруг сообразила, что сижу обнаженная, прикрытая лишь мягким на ощупь шерстяным покрывалом. Я спешно огляделась в поисках своего скафандра или хотя бы нижнего белья. Но ни того ни другого не увидела.

– Булан, – моя собеседница терпеливо выполняла трюк с именем.

Я взглянула на нее, кивнула, положила свою ладонь себе на живот и пожала плечами. Жест ее озадачил, но вскоре она меня поняла.

– Индан, – уверенно дала девушка мне новое имя.

Я согласно кивнула и красноречиво потерла ладонями свои плечи.

Булан что-то залепетала, засуетилась, а пожилая дама снова взялась бить себя кулаком и распевать стихи. И обе сбежали из комнаты. Или я изложила просьбу так, что они ее неверно поняли. Или верно поняли, просто сама просьба вызвала такую панику.

Долго раздумывать я не стала. Завернулась в покрывало, пошатываясь, поднялась на ноги и обошла комнату по периметру, заглядывая кругом, где могло обнаружиться хоть что-то похожее на одежду. Окон здесь не было, зато был еще один выход. Одна из стен представляла собой три раздвижные панели. Я осторожно отодвинула крайнюю и тут же со-

щурилась от яркого дневного света. Выход вел на огромную открытую веранду.

Я отодвинула панель шире и выбралась наружу. Справа и слева от стен дома высились две двухметровые стены и срывались в пустоту. Дом стоял на скале и был спроектирован таким образом, что обрыв и стены образовывали маленький внутренний дворик. Здесь царила зелень. Буйная и не слишком ухоженная. Если бы не чистая веранда, можно было бы предположить, что сад заброшен. Я спустилась с лестницы, дошла до края скалы и оглядела окрестности. Вид открывался потрясающий. Внизу серебрилось широкое устье реки. На пологих частях склона виднелись утопающие в зелени дома, вились ленты дорог и тропинок. Я и людей увидела. По реке плавали крытые катера. Самые настоящие старые рычащие суденышки, как в учебниках по истории. По левую руку река впадала в водоем больших размеров, где величественно дымили два больших металлических монстра. Предположила, что поселение принадлежит к типу портовых и что сам порт просто не попадает в поле моего зрения. По правую руку вглубь территории уходили поросшие лесом горы.

Пошатываясь, я вернулась обратно в комнату, дошла до двери, где исчезли Булан с напарницей, отодвинула ее и оказалась в маленьком помещении. Тут на полу стояла обувь. Кожаная, черная. Точно мужская. Женщин здешних видела, сомневаюсь, что они такой размер носят. Справа и слева от меня на стенах висели кованые бра. Такие же были в преды-

дущей комнате. С электричеством аборигены бесспорно дружили.

За новой дверью оказался еще один внутренний двор, довольно просторный. Дом был построен в форме буквы «П». Я вышла из центрального крыла, и как раз прямо напротив меня метрах в двадцати открылись ворота. И в эти ворота въехал квадратный, пыхтящий едким дымом автомобиль наполовину деревянный, чудовищно нелепый и в то же время забавный. Снова на ум пришло сравнение с началом двадцатого века на Земле.

Тарахтящий монстр остановился. С пассажирского места выбрался знакомый холодный всадник. Если верить последним моим воспоминаниям, то ему я обязана своим избавлением от агрессивного собаковода и путешествием в незнакомые места сей чудесной планеты. Не отрывая взгляда от моего лица, он начал приближаться. Пока шел, водитель высунулся из автомобиля и что-то крикнул. Из правого крыла дома тут же выскочил пожилой мужчина и, на ходу отдавая бесконечные поклоны холодному всаднику, побежал ко мне. Старик при этом светился смирением и услужливостью, но стоило «слуге» обогнать «хозяина» и взглянуть на меня, как морщинистое лицо исказила ярость. Этот тоже наивно полагал, что я не догадаюсь о его намерении ударить.

Ошибся. Я увернулась. Возможно, жизнь меня ничему не учит, а возможно, я не могу позволить примитивному необразованному существу бить себя. К тому же, бить безоруж-

ную женщину здоровый, нормальный мужчина просто не может. Это абсурд. Я стиснула зубы и смерила «слугу» презрительным взглядом. Его моя реакция ожидаемо окончательно вывела из себя. Несмотря на подошедшего «хозяина», любопытство которого к происходящему я видела прекрасно благодаря развитому периферическому зрению, старик вновь замахнулся.

И вновь не попал. Я выпрямилась, убрала волосы с лица и замерла, ожидая нового нападения. Выслужиться перед «хозяином» он постарался усердно. Вновь, рыча нечто сквозь зубы, замахнулся. Только на этот раз был остановлен не мной.

Голос этого мужчины я тоже запомнила. Спокойный, уверенный. Голос командира. Одного четкого приказа вполне хватило, чтобы старик позабыл обо мне, склонился в низком поклоне и так, почти не разгибаясь, ретировался туда, откуда пришел. Мне стало немного жаль этих людей. Неприятный социум. Впрочем, меня это не касалось. Это их планета и их путь развития. Меня сейчас касалась лишь моя жизнь. Я на этой планете была лишним, инородным телом.

Переключила внимание на холодного всадника. Или мне все же стоит называть его «спасителем»? Пока не предаст, само собой. Не похож он на благодетеля.

Стоял мой спаситель на земле, я – на верхней ступени веранды. Его лицо было на уровне моего. Радужка глаз у местной нации была необычной, цвета охры, но у этого мужчины

особенно необычной. Желтизну его глаз разбавлял коричневый ободок вокруг зрачка, из-за чего последний казался больше обычного. Крупные, заостренные черты придавали его лицу хищное выражение. Черные волосы, коротко стриженные на затылке, начиная от макушки, небрежными длинными прядями спадали на лоб. Для сравнения, у водителя и старика волосы были длинными и забраны в хвост. Одет спаситель был в темный, прямого покроя балахон, с разрезами по бокам. Из-под балахона выглядывали того же цвета простые брюки. И ботинки. В помещении, где я только что была, стояла его обувь.

Я подняла взгляд и поняла, что мои беззастенчивые разглядывания не остались незамеченными. На его лице читались удивление и насмешка. Сделала вывод, что меня он причисляет к людям ниже себя по положению – это во-первых. Во-вторых, он умен. И ему, несмотря на его внешнее равнодушие, я любопытна.

Что ж… Пришла пора небольших экспериментов.

Нисколько не смущаясь того факта, что из одежды на мне только покрывало, а обуви нет вовсе, я спокойно сделала шаг в сторону, спустилась со ступеней и направилась к воротам. Водитель, вышедший к этому моменту из машины, оторопело на меня уставился. Наглость я проявила несказанную. Когда очухался, рванул было ко мне, да замер. Даже знаю, по чьему беззвучному велению замер.

За воротами обнаружилась охрана. Со стороны внутрен-

него двора вооруженных молодчиков видно не было. Зато когда я приблизилась, мне тут же перекрыли путь и взяли на прицел. Я выглянула на местность за их спинами. Каменная дорога, уходящая вниз со склона, и как минимум еще десять таких же дворов. И черный дым на горизонте чуть правее. Большего увидеть мне, к сожалению, не удалось.

Я развернулась. Склонив голову набок, он стоял все на том же месте и насмешливо меня рассматривал.

«Ну и что ты будешь делать?»

Если бы я действительно пыталась уйти, а не разведывала обстановку и проверяла границы дозволенного, вопрос был бы резонным.

Я направилась в крыло дома, что возвышалось справа от меня. Поднялась на веранду и зашла в первое помещение, затем во второе внутреннее. Знакомая планировка, только веранда выходила на большой ухоженный сад. Через веранду прошла в еще одно немалых размеров помещение в этом крыле. Здесь кровати не было, тут по периметру были разложены мягкие матрасы. Одежду не нашла. Ни свою, ни чужую.

Все под тем же насмешливым, пристальным взглядом проследовала в левое крыло. Это оказалась вотчина прислуги. Они в щель между дверью и стеной за происходящим во дворе все это время наблюдали и, как только я к ним зашла, в стену вжались. Все подальше от меня. И старик в том числе. Помимо трех знакомых мне лиц здесь были еще две де-

вочки-подростка. Спальня у них была общая, разделенная передвижными ширмами. Тут одежда нашлась, но не моя и мало. Брать ее я не стала. Внутренний двор тоже был. Хозяйственный. Дальше в левом крыле располагались кухня и прачечная.

Я вышла и задумчиво осмотрела центральное крыло. Снаружи оно выглядело больше, чем внутри. Там должны были быть еще помещения, которые я пока не нашла.

Вдалеке раздался протяжный гул, отвлекая меня от размышлений.

Следом за гудком корабля со мной заговорил господин-спаситель. Я повернула голову и равнодушно взглянула на него. Он помолчал, ожидая, видимо, ответа. Не дождавшись, вновь спросил что-то. Я развернулась к нему и изобразила на лице рассеянное любопытство. Губы его изогнулись в холодной улыбке. Он повторил вопрос, сделав его еще короче, но ответа от меня не получил. Тогда он крикнул одно-единственное слово в сторону крыла прислуги.

Оттуда через мгновение выскочила Булан и вихрем понеслась в правое крыло, а еще через минуту летела ко мне с перепуганными глазами. В руках она сжимала неплохого качества зеркало.

Она жестами дала мне понять, что я просто обязана посмотреть на свою шею. Под левой скулой у меня появилась татуировка. Завитки и вензеля. Видимо, письменность местная. Накололи не больше двадцати часов назад, рисунок был

еще довольно четким. Скоро сойдет. Зачем сделали? Работы только технике внутри меня добавили, и все. Я с легким любопытством разглядывала наколку и со скрытым ужасом свое лицо, точнее, голову целиком. Из-за стресса и перенесенного ранения не справляюсь со своей непосредственной работой! Голубые волосы для Земли или Геи норма, но, скорее всего, не для этих людей! Как я могла сейчас не помнить о столь важном факте? Скафандра, целиком скрывающего меня, больше не было. Я теперь окончательно отличалась от них, и не только цветом волос, отличалась строением лица и тела, цветом кожи.

Над ухом раздался начальственный тон.

Как он приблизился и как исчезла Булан, я позорно пропустила.

Ему опять потребовалось задать мне какой-то вопрос.

Ответ мой не изменился – молчание.

Он заложил левую руку за спину, а правой изобразил любезный жест, предлагающий мне проследовать вперед в комнату, где я очнулась. Оценив выражение его лица, я приняла приглашение. В крайнем случае с обрыва прыгну. Терять все равно нечего.

Глава 3

В спальне любезности продолжились. Мне предложили присесть на кресло за небольшой стол, прямо напротив хозяина. А вскоре Булан с помощью одной из девочек подносы с едой принесла. Сказать, что я хотела есть, ничего не сказать, но поскольку за мной наблюдали желтые надменные глаза, я сдержалась от проявления каких-либо эмоций на этот счет.

Он указал мне раскрытой ладонью на тарелки и произнес по слогам одно-единственное слово.

«Ешь», – предположила я. Или «еда». Раз перешел на произношение по слогам, пришло понимание, что я языком не владею.

Потчевали нас мясным бульоном, смешанной в плошке зеленью, красиво выложенными на подносе обитателями водных глубин и некоей густой молочного цвета жижей. Из столовых приборов двузубая вилка, ложка и изогнутый маленький нож.

Он демонстративно медленно приступил к трапезе.

Надеяться, что здешнее мясо искусственно выращено, глупо. Так что я осторожно, стараясь не показать, что пальцы дрожат, отставила в сторону все мясное, молочное тоже, съела только зелень. Не настолько моя ситуация критична, чтобы животных есть, а молоко неизвестного происхождения мне сейчас было явно не нужно.

Поев, я выпрямилась, глядя на подозрительно гостеприимного тюремщика. Покрывало пришлось в очередной раз поправить, оно сползало. Выражение желтых глаз, исподтишка наблюдавших за моими действиями, при этом на мгновение изменилось. Расслабленную надменность сменило напряжение. Расширившиеся на доли секунды зрачки я тоже не упустила.

Не такой он оказался невозмутимый. Как женщина я его интересовала, и очень. Логично, что по этой причине и запер в своем доме, в своей спальне. Может быть, татуировка к этому отношение имела. Ну и поскольку я обнаженной очнулась, то, что я прячу под покрывалом, он точно знал. В таком обществе женщины должны относиться к демонстрации своего тела более щепетильно. Пока я этого не учитывала.

Несмотря на кажущуюся расслабленную позу, он был напряжен. Я усмехнулась и отодвинула свой нож на его половину стола. Никого здесь калечить или убивать нарочно была не намерена. Мог бы и не проверять. Пока двигала, он не шевелился. Когда двигать закончила, он взглянул на меня насмешливо. Я ответила равнодушным взглядом.

Меня не интересовало его личное мнение обо мне. Меня интересовала моя одежда, о чем я дала понять жестами.

Он вновь вызвал Булан, отдал ей тихо приказ, и вскоре, к своему удивлению, я получила свое белье, а в дополнение белый балахон со сложной вышивкой в виде голубых цветов, покроем похожий на те, что носили женщины и девоч-

ки здешнего дома, только новый. Булан стопкой сложила все это на столике у входа и удалилась.

Я встала, подошла к столу, бегло оглядела вещи, взяла в руки свои и развернулась к хозяину дома.

Это все?

Его губы изогнулись в довольно неприятной холодной улыбке. Он что-то проговорил, глядя на меня своими надменными желтыми глазами.

Я склонила голову набок и оценивающе его осмотрела. Пора было умнеть.

Согласно кивнула. Хорошо. Без скафандра, значит, без скафандра.

Улыбка исчезла. Не такой реакции от меня он ожидал, но и такую принял. А дальше он поднялся и медленно, заложив руки за спину, подошел ко мне. Встал совсем близко, склонился к моему лицу. Взгляд его при этом уже не был жестким. Взглядом же указал на одежду, затем на мое тело и по слогам четко произнес одно слово.

«Одевайся», – предположила я.

Развернулся, дойдя до левой стены, отодвинул потайную панель и исчез в открывшемся проеме. Я оказалась права, в центральном крыле дома помещений было больше. Правда, скрытость панели была больше декоративной, поскольку не заметить очевидного несоответствия внутренних и внешних размеров строения и не найти впоследствии этот дверной проем мог только слепой.

Нижнее белье мое входило в экипировку скафандра, предназначено было в основном для терморегуляции и представляло собой облегающие топ и бриджи. Я скинула покрывало, надела белье, накинула сверху балахон, закатала рукава и направилась следом за хозяином дома.

Рабочий кабинет. Я бы так охарактеризовала предназначение этого помещения. Все та же богатая, вычурная обстановка, широкие окна, большой стол, по вечерам, полагаю, здесь было хорошее электрическое освещение. И полки с тетрадями. Осматриваясь, я пролистала пару и пришла к выводу, что это книги. Текст был печатным.

Все это время желтые глаза наблюдали за мной с нескрываемым любопытством.

На письменном столе в первую очередь меня заинтересовал телефон. Я не удержалась от того, чтобы не покрутить железную тяжелую махину в руках, и от беззвучного смешка тоже не удержалась. Неужели и мы когда-то пользовались чем-то похожим? Было просто поразительно оказаться в месте, где эта вещь в ходу. У нас антикварная техника встречалась в домах ценителей или входила в оформление интерьера, но это все понарошку. Я зацепила пальцами провод и проследила за его направлением. Для здешних людей эти массивные тусклые желтые лампы, пыхтящие автомобили, телефоны размером с мою голову – это все по-настоящему.

Следом наступила очередь пишущей машинки. Не менее занятный агрегат. Тихий теплый голос подсказал мне нуж-

ное слово. Я искренне и благодарно улыбнулась обладателю голоса. Все время моего присутствия в кабинете он сидел в мягком кожаном кресле с высокой спинкой и следил за каждым моим движением.

Указала на телефон. Он и тут подсказал. Повторять вслух чужую речь я не пыталась, но сами слова и произношение запоминала. Установила названия еще нескольких вещей на столе: кистей для письма, графита, бумаги. Слово «стол» тоже выяснила. Повернулась к лампам, как вдруг мой собеседник положил ладонь себе на живот и произнес:

– Вангьял.

Точно так же ранее мне представилась Булан.

– О, – открыла я рот в беззвучном виноватом восклицании.

На лице Вангьяла мелькнуло странное выражение. Лед, смешанный со злостью и высокомерием. Мое пренебрежение задело его гордость. Впрочем, он умел мгновенно гасить все ненужные эмоции. Правую бровь только приподнял, указав рукой на мой живот.

Я с еще более виноватой улыбкой пожала плечами.

– Индан, – кивнул он.

Возражать не стала. Как угодно.

Он достал из ящика карту, развернул ее на столе и указал мне на нее. Я тут же позабыла обо всем на свете. Взяла карту, расстелила на полу и принялась сосредоточенно изучать. Электроники в моей жизни было слишком много, это

я поняла, как только прикоснулась к бумаге. Я помнила расположение материков и океанов, спешно собранную Маком информацию, помнила, где именно находится озеро с кораблем. Приблизительную точку на карте нашла. Сделать что-то более осмысленное не могла. Повернулась и вопросительно взглянула на Вангьяла.

Странно, но он мой взгляд понял без дополнительных пояснений. Встал со своего «трона» и с каменным лицом, почти не сгибая спины, спустился ко мне на пол.

Местность, где мы с пилотом совершили аварийную посадку, мне обозначили как Чамдо. Забавное название, мне понравилось.

Вангьял вновь обвел карту ладонью и указал на мой живот. Ему требовалось знать, откуда я. Чуть поразмыслив, я указала на северный полюс, выкрашенный на карте в белый. Во-первых, место, не настолько удаленное от Чамдо, чтобы усомниться, что я каким-то чудом добралась оттуда сюда самостоятельно. Во-вторых, с их развитием техники – самое неисследованное место на планете, не считая дна морей и океанов. Это означало, что мои синие волосы, странную одежду, непривычные черты лица, чрезмерно светлую кожу, отсутствие языка – короче, все мои чудачества можно списать на некий неоткрытый пока народ. Попытка не пытка.

Указав свою якобы родину, я повернулась к Вангьялу и попала в плен желтых глаз. Он сидел на коленях рядом со мной, так что наши лица разделяло расстояние не больше

десятка сантиметров. Он сощурился, насмешливо глядя на меня сверху вниз. Поверить не слишком поверил, но отчего-то настаивать на правдивом ответе не стал.

В глубине его глаз зажегся азарт, и он начал медленно наклоняться к моим губам. В той же спокойной медленной манере я стала отклоняться назад, сохраняя между нашими лицами прежнее расстояние. Моя реакция его позабавила, но не остановила. Отклоняться мне пришлось, уже опираясь на ладони, затем на локти и так пока не оказалась лежащей на полу. Вангьял нависал надо мной, на губах его играла мягкая довольная улыбка. В отличие от меня, ему происходящее нравилось. Сократив таки расстояние, он остановился в паре сантиметров от моих губ.

Не скажу, что смотрела на него с какими-то особенно отрицательными эмоциями, скорее напряженно, с долей равнодушия. Оказаться единственной выжившей на краю Вселенной на незнакомой планете страшнее, чем притязания со стороны местного «хозяина», тем более что отторжения он у меня пока не вызывал. Ничего плохого мне еще не сделал, и лучше бы все так и оставалось. То, что Вангьял способен на жестокость, было очевидно. Лучше развернуть его характер так, чтобы по отношению ко мне он эту жестокость так и не проявил.

Чуть отстранившись и глядя мне в глаза, он проговорил что-то с тихим смехом. Я вопросительно подняла брови, чем окончательно его рассмешила. Он склонил голову и осто-

рожно провел пальцами по моему лбу, носу, губам и подбородку. Происходящее мне категорически не понравилось. Проблема заключалась в сути моей профессии, точнее, в сути моего таланта. Вангьял, сам того не понимая, проникал и стремился занять львиную долю моего личного пространства. Это означало, что мой разум независимо от меня начнет работать над его портретом. Уже начал работать. Я уже чувствовала его эмоции и желания. Погружение в сознание другого человека отнимало немало сил и требовало умения дистанцироваться, не растворяться. Контролировать подобные процессы гораздо проще на расстоянии, а мой нынешний объект был и, очевидно, намеревался быть слишком близко.

В конкретную минуту объект меня хотел. И хотел сильно, но желание свое предпочел держать в узде. Он снова улыбнулся и вдруг начал не только прикасаться пальцами, но и называть части моего тела вслух, по слогам. Я тут же прекратила размышлять о сложившихся трудностях и нахмурилась, вслушиваясь в звучание его голоса, пристально следя за движением губ и языка, стараясь запомнить все с первого раза.

Глаза, нос, брови, лоб, волосы, руки, ноги… Когда до груди добрался, собственная же игра его и подвела, он запнулся, чем насмешил меня. Я икнула, стараясь скрыть смех. Желтые глаза тут же сердито сузились и могли бы меня напугать, если бы в их глубине не прятались смешинки. Его самого произошедшее развеселило.

Он сел сам и помог сесть мне. Я решила не терять времени даром. Похлопала ладонью по полу, а затем провела ею над картой, повторив его недавний жест, и добавила вопросительный взгляд. Вангьял снова рассмеялся и проговорил что-то длинное сквозь смех. Рассказывать мне, где я нахожусь, он явно не собирался.

Я сердито вздохнула. Удерживать он меня решил. Мне домой надо, сообщить о гибели охотников и экипажа…

И тут я вспомнила о том, о ком сегодня еще не вспоминала. Кобольд!

Я мгновенно нашла на карте область, обозначенную Маком ранее как область вероятного падения спасательной капсулы. Устроены капсулы были таким образом, что сигнал спасательного маяка можно было отключить только вручную, как и систему жизнеобеспечения. Для этого фактически нужно было разрушить саму капсулу, что Кобольд после приземления и сделал. Пилот мой, в свою очередь, во время падения вел ручной режим экономии энергии, поэтому точных данных о местоположении капсулы Мак не получил.

Обрисовав область, я вопросительно взглянула на Вангьяла. Мне требовался быстрый и четкий ответ.

– Хайдун, – глядя на меня спокойно и внимательно, ответил он.

Я подскочила, взяла со стола бумагу, кисть, чернила, села обратно и быстро нарисовала группу людей. Затем указала на них и на местность.

Они там живут?

– Да.

Я выучила новое слово и продолжила рисовать.

Там поселение?

– Да.

Я вижу крупное озеро и русло реки. Промышленное поселение?

– Да.

Большое?

– Да.

Поселений много?

– Да.

Не в силах сдержать эмоции, я вскочила, собрала руками волосы и зажала их на затылке. Кобольд выживет. В прогнозах относительно него я не ошибалась пока. Более того, этот мир для него прекрасен. Абсолютный простор действий. У него не будет сдерживающей силы. Сомневаюсь, что местная медицина дошла до изучения хотя бы эпилептоидов или шизоидов.

Пока не знала о проживающих здесь людях, о Кобольде не беспокоилась. Теперь все иначе. Стоять на месте тоже не могла. Начала переминаться с ноги на ногу. Взять себя под контроль, унять волнение все никак не удавалось. Руки подрагивали. Нужно было что-то предпринимать или хотя бы начать размышлять спокойно, выстроить некий план действий. Я остановилась, закрыла глаза и начала глубоко, раз-

меренно дышать.

Помогло. Появились первые намеки на трезвость мышления.

Открыла глаза и взглянула вниз на Вангьяла, внимательно наблюдающего за мной. Время. Нужно установить время. Я опустилась на колени, взяла новый лист и нарисовала себя в скафандре с ранением в плече, затем сегодняшнюю себя и изобразила смену дня и ночи. Получила ответ на пальцах, на основе своих же наблюдений перевела в земные сутки. Вышло больше двадцати.

Почти месяц. Я дала ему почти месяц!

Как быть дальше, я откровенно не знала. В помещении стало душно. Я поднялась и побежала на воздух в сад к обрыву, откуда открывался замечательный вид.

Вангьял следовал за мной высокой темной тенью. Будто сытый хищник, не убивает, но и не выпускает из когтей ни на минуту.

Ощутив дуновение ветра на лице, я почувствовала себя немного лучше. Стянула через голову чертов балахон и отшвырнула в сторону. В такую влажность да при такой температуре он мешал, не давал телу дышать. Вновь собрала волосы, скатала в пучок, зажала руками на затылке и закрыла глаза. Теперь было гораздо лучше.

Постояв вот так долгие минуты, я успокоилась, проанализировала свое положение, взвесила все «за» и «против». В целом выбор у меня был небольшой. Либо промолчать

и постараться спастись. Либо не промолчать и постараться спастись. Сама одна я бессильна, но хотя бы предупредить об опасности могу. Снова повернулась к Вангьялу и внимательно, оценивающе его оглядела. Он умен. Быть может, получится.

Подошла к нему, взяла за руку и потянула обратно за собой в дом. Подобного он от меня не ожидал. Желтые глаза на секунду расширились от удивления.

В кабинете отпустила его, устроилась на полу с бумагой и чернилами и начала рисовать. Если бы не была эмпатом, стала бы художником. Матушка Матрена, к примеру, очень хотела, чтоб я развивала второй свой талант, а не первый. Пока рисовала, Вангьял сидел рядом и терпеливо наблюдал. Когда закончила и протянула ему довольно точный портрет, встала проблема. Как объяснить, что это самый опасный на этой планете человек?

Вангьял между тем изучил лицо Кобольда и вопросительно на меня уставился. Я указала на листок, затем на территорию Хайдун. Мой собеседник стал мрачнее тучи, что-то произнес суровым ледяным тоном. Я не стала обращать внимания на странную смену его настроения. Не до того было. Еще раз указала на Кобольда и изобразила на себе жест двумя руками, как будто шею мне ломают.

Собеседник мой озадачился. Настроение его вновь ушло от мрака к любопытству.

Не понял.

На новом листе нарисовала мужчину, напротив него еще четырех вооруженных огнестрельным и одновременно холодным оружием, показала Вангьялу, показала связь между портретом и невооруженным господином на рисунке, а потом изобразила всех четверых противников мертвыми.

Он что-то спросил.

Если бы я только понимала что. Отчаяние начало поглощать разум.

Чего ж непонятно-то?

Поднялась и задумчиво огляделась. Как можно объяснить, что хочу, наверняка? И вот тут вспомнила про недавнюю трапезу. Забрала из рук Вангьяла портрет, выскочила в комнату, взяла со стола нож и обернулась. Уже знала, что собеседник мой следует тенью. Так и было. Я бросила лист на пол и метнула в лицо Кобольда нож, пригвоздив к паркету. Вопросительно взглянула в желтые глаза.

Вангьял смотрел на меня так, словно впервые видел. Зато мысль мою понял. Я облегченно выдохнула. Полдела сделала, осталась вторая половина. Сбежать отсюда. Чем раньше, тем лучше.

Глава 4

Легкий стук заставил нас обоих оторвать взгляды друг от друга.

– Войдите.

Я предположила подходящий перевод.

Старик-слуга ступил в комнату и тихо доложил о чем-то. Вангьял отослал его, затем дошел до меня, наклонился, выдернул из паркета нож, поднял рисунок и осторожно свернул. Я следила за его спокойными движениями. Только теперь обратила внимание, что собственные случайные наблюдения про осанку и хищника были верны. Дело не в его положении в социуме, а в том, что он был физически развит. Люди, чье тело является оружием само по себе, определенно выглядят и двигаются. Спутать невозможно.

Свободной ладонью он провел по моей шее, груди, животу, заглянул с укоризной в глаза и произнес что-то. Я непонимающе нахмурилась, чем заставила его улыбнуться. Теперь он взял меня за руку и повел к левой стене спальни, где обнаружилась еще одна потайная панель. Новое небольшое помещение оказалось гардеробной. Его гардеробной. Из-за шкафов он извлек объемный старый сундук и предложил мне самой выбрать, что надеть. При этом волосы попросил спрятать, заодно пополнив мой словарный запас. Большое зеркало между шкафами тоже оказалось панелью, открывшей мне

существование ванной комнаты в этом доме. Лишь убедившись, что я без него справлюсь, Вангьял удалился по своим делам. Редкий для подобного социума характер, полагаю.

Одежда была его, только старая, мальчишеская. Брюки и все те же балахоны с разрезами различных темных оттенков. В отличие от того цветочного безобразия, которое я скинула в саду, эта одежда была удобной, не вычурной, легкой. И была впору, учитывая особенности моей фигуры. Костлявая, с маленькой грудью я была похожа на подростка. Булан, к примеру, и причитающая старушка грудь под балахонами своими прятали пышную. Я оделась, нашла что-то вроде темно-синего шарфа и, глядя в большое зеркало, тщательно замотала волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.